
Л. Григорьев

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНЦА ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» НИКЕМ НЕ БЫЛИ ПРОСЧИТАНЫ

1. Тогда, в 1989 г. мы больше волновались по поводу явного экономического кризиса в самом СССР, который был документирован еще Абелом Гезевичем Аганбегяном (ЭКО. 1987. №11). Там была и моя статья про то, что на «Западе» идет рост, личное потребление увеличивается, безработица стабилизировалась и что мы можем остаться на обочине нового этапа НТП. Открытие Берлинской стены воспринималось как совершенно позитивное явление – и, прежде всего, как шаг от угрозы большой войны. Радость немцев также была понятна. Последующий отход от идеологического контроля в «соцблоке» – тем более. В период ожиданий положительных поворотов и самые скептики (к ним скорее я отношусь) теряют чувство реальности и «ждут перемен», но только в форме немедленного социально-политического счастья. Как мы теперь понимаем, уход от блоков был возможен в этот момент, М. Горбачеву пообещали нейтральность объединенной Германии. Этот шанс не реализовался, хотя я далек от того, чтобы поверить в то, что эта развилка решила судьбу последующей эпохи.

К сожалению, ни реформаторы, ни консерваторы не смогли тогда просчитать простые последствия конца эпохи «развитого социализма». На Западе полагали, что конец социализма ликвидирует все угрозы, вылечит все мировые болезни, особенно «коммунизм», также включая и старую историю про «Российскую империю», которая на глазах рассыпалась. Задача была простая, но она вообще не ставилась: обеспечить всем народам выход из идеологии социализма; переход к нормальному рынку на базе смешанной собственности и конкуренции без избыточных потрясений, гражданских конфликтов.

Собственный кризис в СССР (в 1990 г. было уже минус 2% ВВП) пришел слишком быстро, чтобы мы успели осмыслить падение Стены сколько-то широко. Никто не ждал быстрого коллапса всей системы.

Леонид Маркович Григорьев – ординарный профессор, научный руководитель Департамента мировой экономики НИУ ВШЭ, главный советник руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ (г. Москва).

Большинству людей все же было не до соперничества – надо было семьи кормить. Впереди были грандиозные транзакционные издержки (Коуза мы читали уже в 1990).

Мне довелось опубликовать маленькую статью в *New York Times* от 12 сентября 1992 г. под названием: «Советам нужна единая свободная экономика». Там было мое предупреждение, которое вряд ли кто услышал: «Ни у одного лидера еще не хватило смелости сказать народам Советского Союза об очевидном: то, что переход к рыночной экономике повлечет за собой большие трудности. Западный уровень жизни не будет достигнут в одночасье. Создание среднего класса, который может стабилизировать общественную и политическую жизнь, займет время. После пожизненной ценности централизованной планируемой, контролируемой государством экономики, нет альтернатив трудолюбию, скромности и терпению». В течение 100 дней после публикации Советский Союз распался, а кризис пошел в спираль.

Если России в 1998 г. удалось бы избежать необязательного экономического кризиса в минус 44% ВВП от 1989 г. и продолжительностью в 9 лет, то все было бы легче (хотя бы как в Центральной и Восточной Европе – 5 лет и минус 25% ВВП). И Западу, и новым республикам надо было заранее обеспечивать стабильность трансформации и предусмотрительное снятие национальных и языковых проблем. Короче: элиты опять провели большой облом «старого мира», а с трансформацией общества не справились!

2. Это был двусторонний интерактивный процесс, в котором Россия и ее «Западные партнеры» совершили много ошибок. Прежде всего, это разное стартовое восприятие «конца социализма». Для нас (интеллигенции и части элиты) это был добровольный выход из социализма и мировой конфронтации, «холодной войны». Для определенной/значительной части американской и европейской (восточноевропейской) элиты это была победа в длительной войне с социализмом, но этого было мало – еще и над Россией. Смешивать же не надо было, это была ошибка, которая теперь и стоит костью в горле.

Я видел много хороших западных специалистов, которые пытались помочь трансформации в интересах самих трансформируемых стран (и их народов), выступали за сохранение торговых и финансовых связей новых 15 государств. Но этого было мало – нужна была политическая воля для ремонта экономической системы без ее обрушения. Это было сделать трудно, почти невозможно, но надо было говорить об этом прямо и саму такую задачу ставить. Анархическая трансформация чревата огромными транзакционными издержками, причем встроенными надолго. Извне наблюдатели наслаждались интеллектуально, сочувствовали, злорадствовали (кто как – в меру личных качеств и групповых интересов). Но в целом в мире никто не озаботился главным в реабилитации человека и любой челове-

ческой системы: принять нового Субъекта в большой коллектив по приемлемым для него правилам, которые закрепляли бы возможность чувствовать себя достойно и не бедняком. У нас многие не верили в гуманистические намерения Запада в отношении России на старте реформ и трансформации. Было достаточно много шагов извне, которые можно было трактовать как желание сжать роль России в мире до минимума – на это политическая элита и «отреагировала».

Защита элитами своих интересов и интересов своих народов (в понимании элит, разумеется) – это реальность, от которой надо не уходить, надо реализовывать динамический компромисс на практике в системе договоренностей и общих принципов. Российское понимание интересов – высокое развитие своей страны, ее народов и возможность реализовывать проекты в рамках своей традиции. Вот наблюдаемое вовне предположение, что у России не может быть или не должно быть своего проекта, а тем более предложение реализовывать (в том числе за свой счет) много чужих проектов – это перебор. По характеру российского проекта было легко найти разумный компромисс в начале 90-х годов. Но сами не сообразили, а извне считали излишним рассматривать такие наши перспективы сосуществования в будущем сложном мире. Тогда слишком многим мир казался простым – будто «история и вправду кончилась».

3. Геополитика стран стоит на защите или максимизации того набора интересов, который национальные элиты условились считать своими национальными интересами и убедили в этом население. Мы это наблюдаем по всем странам постсоциалистического пространства – масса новых изобретений. Так что вопрос надо переформулировать: геополитика помешала или ошибочная геополитика помешала. Трудно представить себе мир без различных сложных игр великих держав, растущих экономик, обладателей тех или иных «специфических активов». Сдвиги в соотношении реальной экономической мощи происходят постоянно, меняются интересы, проблемы, конкурентные преимущества.

«Позитивный покой» мировой экономике и политике не свойственны – мы только что выпустили книгу на этот счет в издательстве «Шпрингер». У нас с В. Павлюшиной там глава: «Глобальная рецессия и неравенство в доходах: факторы разрушения для элиты в XXI в.» (Global Governance in Transformation – Challenges for International Cooperation. L. Grigoryev & A. Pabst (Eds.). Springer. 2020). Вспомните, как было всем хорошо экспортировать в бывший социалистический блок в годы его транзитивного кризиса и деиндустриализации, да плюс мирный дивиденд в 90-х. Но вот Китай вырвался вперед, потом терроризм, потом нефть взлетела, потом Великая рецессия – никакого покоя у мировых элит не стало! Так что геополитика неизбежна, хотя бы из-за шоков.

Впрочем, интересы и шоки каждая элита может трактовать или как заговор против собственных интересов, или как некую неизбежную характеристику мировой среды. Явный развал системы глобального управления, обострение конфликтов, рост военных расходов, тупики в переговорах ведут к некоторым очевидным результатам, которые все видят, но из политической корректности стесняются назвать своими именами. А именно – мировое сообщество не решает проблему сохранения климата планеты, не демонстрирует снижение неравенства между странами или между социальными слоями (см. Цели устойчивого развития ООН. 2015, цель №10). Мир стоит перед демографическим ростом в беднейших странах – и не решает проблему бедности. Характерно, что, несмотря на рост душевого ВВП в мире как минимум на 40% за четверть века, критерий абсолютной бедности не изменился и остается 1,9 долл. в день – поразительная скарденность мирового сообщества!